

Л. Г. Хорева

г. Москва, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЧТЕНИЯ ГЕТЕРОГЕННЫХ ТЕКСТОВ

Прямой потомок королевы Марии Стюарт, дюк Лирийский, как его называли в России, стал первым испанским послом в Санкт-Петербурге. Он прожил в России три года, стал свидетелем дворцовых интриг и переворотов, которые происходили в указанный период.

Литературное наследие герцога, состоящее из мемуарной и эпистолярной литературы, было издано его сыном во Франции в 1788 году, но в России «Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского» [1] стали известны лишь в 1845 году в переводе Д. И. Языкова. В примечаниях

к своему переводу «Записок...» Д. И. Языков ссылается в качестве источника на издание, вышедшее в Париже в 1788 году. Уже в том же году были предприняты попытки сверить перевод с оригиналом, в ходе которых выяснилось, что переводчик сделал несколько купюр из-за цензурных ограничений. Несмотря на указанные купюры, работа Д. И. Языкова была выдающейся: впервые на русском языке был опубликован текст, принадлежащий перу иностранца, повествующего о событиях в политической истории России в постпетровскую эпоху. «Записки...» уже в XIX веке вызвали живой интерес современников к описываемым событиям, что было совсем не удивительно. Период со времени смерти Петра Великого до момента вступления на престол Елизаветы I до сих пор вызывает оживленные дискуссии как в отечественной, так и зарубежной историографии, где наблюдаются подчас диаметрально противоположные оценки произошедших событий.

В ходе исследования перед нами встает справедливый вопрос. Насколько достоверны изложенные факты? С одной стороны, перед нами дневник: все записи сделаны синхронно совершившимся событиям, и это обстоятельство сразу повышает ценность «Записок» как исторического документа. Но с другой стороны, мы не должны забывать, что джюк Лирийский был опытным дипломатом, так что мы не можем исключать того, что при написании дневника его целью могло стать не только открытие потомкам закрытых сторон жизни русского императорского двора, но и определенная интерпретация целого ряда вопросов внешней политики, что в свою очередь, могло повлиять на взаимоотношения России и Испании.

Форма дневника способствовала субъективной манере подачи материала. Дневник, как и другие эго-документы (путевые заметки, личные записки, заметки, относящиеся к определенному событию и ограниченные во времени, мемуары, письма, бытовые дневники, примечания к генеалогическому древу, устные рассказы, феномен записей, дневники-хроники, дневники-описания, исторические интервью), относится к числу гетерогенных текстов, которые активно структурируют читательскую аудиторию на различные уровни его понимания [2, с. 161–167]. В филологии неоднократно понимался вопрос о жанровой принадлежности такого рода текстов, поскольку ни один жанровый знаменатель не охватывает все многообразие текстов, в основании которых лежит автобиографический компонент. Но есть целый ряд признаков, которые объединяют эти тексты: наличие прямого авторского рассказа (в подавляющем большинстве повествование ведется от первого лица), идентичность жизненной реальности описываемым событиям; реальные исторические лица, действующие в роли персонажей; совершенно неотредактированный или же, напротив, литературный язык описания; личный опыт автора как основная тема повествования.

Степень достоверности описанных фактов, описанных в гетерогенных эго-текстах, давно является предметом обсуждения.

В. Голубцов [3], Л. Левицкий [4] замечают, что субъективность автора эго-документа может быть детерминирована двумя причинами: факты могут быть осмыслены и представлены поверхностно либо по причине малого

количества времени, которое прошло с момента события, либо, наоборот, из-за длительного временного промежутка между самим событием и его описанием. Исследователь С. С. Минц [5, с. 60] полагает, что действительность отражается в источниках мемуарного характера через призму восприятия мемуариста, а система индивидуального восприятия обусловлена всей системой общественных отношений, особенностями культуры в широком смысле этого слова и индивидуальными особенностями индивида. Таким образом, мемуарные источники всегда отображают с большей или меньшей степенью адекватности те межличностные отношения, участником которых является автор, показывая степень осознанности общественных отношений отдельным индивидом и обществом в целом.

Соглашаясь с выводами В. Голубцова и Л. Левицкого, мы можем сделать заключение: при изучении эго-документов необходимо:

1) изучать личность автора (пол, характер, возраст в момент сопричастности с описываемыми событиями и в процессе создания текста, а также на образование, индивидуальные особенности памяти, среду, в которой жил автор; его положение в обществе, общественно-политические взгляды, степень причастности к отражаемым событиям, их понимание и интерес к ним, психологическое состояние автора в момент переживаемых событий);

2) источниковую основу мемуарных текстов (по памяти, по предварительным заметкам, на основании донесений в высшие инстанции, дневниковые записи и т.д.);

3) время создания документа, или иными словами, величину временного интервала между произошедшими событиями и их письменной документацией (чем больше интервал, тем вероятнее искажения: ошибки, замалчивание фактов, принятие желаемого за действительное и т.д.);

4) цель автора эго-документа.

Ответы на вышеперечисленные вопросы позволяют сделать вывод о подлинности этих источников, и, как следствие, понять эти источники как факт своего времени и как свидетельство о прошлом в своеобразном переплетении времен – одного в момент свершения событий и последующего при создании текста мемуарного произведения, записи в дневнике, написании письма.

С учетом историографической традиции можно говорить о т. н. «фактической» и «логической» критике текста источника. В отношении мемуарных произведений, дневников и писем это означает, что необходимо изучить историю текста источника, сопоставить известные тексты («основной» текст, редакции, списки, издания), выяснить, если таковые будут, разночтения, а также вполне возможные «фактические» ошибки – в датах, именах, описании конкретных обстоятельств, событий, как и «логически-смысловые» неточности – нарушение связи между временем и событиями, описание событий не в том контексте, окружении, не на том фоне, что часто бывает не только в связи с ошибками памяти, но и в результате воображения автора, которое А. С. Лаппо-Данилевский объяснял как инстинктивное стремление разума что-то дополнить или объяснить. В связи с этим можно привести

мысль, сформулированную М. Блоком (с ним был согласен и Л. Февр): «Абсолютно правдивого свидетеля не существует, есть лишь правдивые или ложные свидетельства. Даже у самого способного человека точность запечатлевающих в его мозгу образов нарушается по причинам двух видов. Одни связаны с временным состоянием наблюдателя, например, с усталостью или волнением. Другие – со степенью его внимания. За немногим исключением, мы хорошо видим и слышим лишь то, что для нас важно» [6, с. 145]. При этом наибольшая часть недостоверных свидетельств, по мнению М. Блока, обычно бывает связана с ближайшими по времени событиями. Окончательный вывод о достоверности сообщаемых сведений в мемуарах, дневниках, письмах можно сделать, проведя сравнительный анализ свидетельств этих источников с другими источниками, которые позволяют убедиться, или, напротив, усомниться в верности свидетельств тех или иных авторов.

Существующие в XX веке концепты не позволяли в полной мере провести анализ подобного рода гетерогенных документов. XXI век открыл новые возможности анализа, прежде всего дискурсивный анализ и порожденную им теорию коммуникативных стратегий, которая определяет междисциплинарный характер исторических исследований и является индикатором достоверности или недостоверности исторического источника. Наука о коммуникации сегодня носит междисциплинарный характер: исследования науки о коммуникации являются предметом и объектом изучения истории, филологии, культурологии, психологии, лингвистики, социологии. Учения Ю. Лотмана и М. Бахтина [7] легли в основу новейших исследований.

В понятие «коммуникация» сегодня вкладывают иное значение. Если раньше этот процесс считался односторонним, то сегодня любой текст воспринимается как сложное образование, как огромное множество альтернативных сообщений. Если раньше главную роль играла фигура адресанта, то есть человека, отправившего сообщение, сам же текст, канал связи и код шифрования воспринимались как сопутствующие элементы, то сегодня все элементы этой схемы считаются равнозначными по степени важности. Само сообщение, его жанровая принадлежность способна поведать о множестве скрытых смыслов гораздо больше, чем адресант. Иными словами, носителем информации становится даже внешний контур текста. Именно он заставляет читателя задуматься о выборе того или иного дешифрующего кода, чтобы разгадать внутренние интенции и замыслы автора сообщения.

Что же такое коммуникативные стратегии? Концепт «стратегия» изначально был термином военного искусства. Сегодня же он прочно вошел в научный оборот лингвистики, психологии, филологии. Специалисты интерпретируют «стратегию» как действие, связанное с изучением поведенческих реакций участников коммуникации и особенности дешифрования полученного сообщения.

Для того, чтобы определить природу стратегий чтения гетерогенных эготекстов, необходимо определить характер коммуникации. Личный дневник обычно существует в рамках автокоммуникации «я–я». В этом случае у текста обычно только один читатель – сам автор. Перечитывая когда-то написанное,

автор получает возможность взглянуть на себя со стороны, еще раз проанализировать описанные события уже через призму времени. Если в тексте дневника автор упоминает моменты его перечитывания, то можно говорить о автомоделирующей функции текста. Можно утверждать, что если автор не перечитывает собственный дневник, то в этом случае дневник перестает выполнять функцию автокоммуникации, и является, к примеру, способом «релаксации через текст» или авторской стилизацией «под дневник».

В «Записках...» дюка Лирийского мы видим отказ от автокоммуницирующего начала. Его текст изначально рассчитан на прочтение представителями испанского королевского двора, а также широким кругом читателей, соответственно говорить о релаксации автора тут не приходится. Документ, сочетающий в себе черты дневника, мемуарного нарратива и дипломатического донесения, будет строиться по коммуникационной схеме «я-ты» и, соответственно, обладать определенным коэффициентом искажения описываемых фактов, что мы и наблюдаем.

Несмотря на то, что в годы пребывания дюка Лирийского в России внешняя и внутренняя политики страны кипели и бурлили как никогда (в эти годы законодательно закреплены упразднение Малороссийской коллегии, усиление контроля за налоговыми сборами, были прощены давние недоимки крепостным, смягчены уложения о наказаниях, дарована свобода за неуплату налогов сосланным в Сибирь), эти события не нашли отражения в записках испанского посланника. Он много внимания уделяет описанию царского двора, развлечениям Петра II, его охоте, акцентирует внимание на переезде императора в Москву. Начало правления Анны Иоанновны несмотря на то, что оно также отмечено рядом крупномасштабных событий, тоже не отмечено в дипломатических донесениях испанского дипломата должным образом, хотя никаких предпосылок к этому нет, ведь другие иностранные послы не скупятся на детали. Тот же французский посланник граф Бурхард Христофор Миних [8] подробно описывает процесс учреждения Кабинета министров и его деления на департаменты. Причем не просто пишет, но оценивает значение этого шага для Российской империи и для ее отношений с Францией, кроме того, сообщает о важных деталях функционирования каждого нового государственного органа управления.

Вместо этой информации читатели записок дюка Лирийского читают о празднествах и застольях, о награждении орденами, об отдыхе царских особ.

Крупнейшей зоной умолчания становится также деятельность Александра Меншикова. Его как будто не существует для дюка Лирийского, между тем в его дневнике находится место для упоминания о деятельности Алексея Долгорукого, Дмитрия Голицына, А. Остермана. Деятельность последнего далеко не случайно заслуживает внимания испанского посланника. Именно Андрей Иванович Остерман был ярким приверженцем политики союза Российской империи и Священной Римской империи, в свое время он был автором союзного договора 1726 года.

Сделанные выше наблюдения позволяют нам сделать вывод об активном использовании регулятивной стратегии в данном документе, цель которого

вызвать определенные изменения в обществе; создать общественное мнение, которое в дальнейшем должно повлиять на будущие события. Регулятивная стратегия здесь используется значительно чаще, чем модальная (задача которой – выразить эмоции адресата) и диктальная (цель которой – сообщить адресанту о произошедшем событии).

Многочисленные зоны умолчания помогают понять истинную цель его написания, а именно: создание общественного мнения относительно общественной, исторической и культурной ситуации в России, создание образов ее правителей – Петра II и Анны Иоанновны – как праздных временщиков, не заботящихся о процветании отечества. Искусно расставленные акценты на деятельности исторических личностей, выдвижение на первый план фигуры А. И. Остермана – главы немецкой партии и ярого сторонника союза со Священной Римской империей – и отодвигание в тень ряда видных представителей, заставляет делать однозначный вывод об использованной коммуникативной стратегии прочтения, построенной по схеме «Я – Ты». Иными словами, гетерогенный нарратив дюка Лирийского был рассчитан не на автокоммуникацию, не на перечитывание, а сознательно написан на внешнего читателя, с целью создать определенный образ страны, ее деятелей, повлиять на общественное мнение относительно союза с западными державами и исполнение, тем самым собственной миссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стюарт, Х. Ф. Дж.* Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при российском дворе в звании посла короля испанского / Х. Ф. Дж. Стюарт ; пер. Д. Языкова. – СПб. : Гутенбергова типография, 1845. – 217 с.
2. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство – СПб, 1998. – С. 14–285.
3. *Голубцов, В. С.* К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы / В. С. Голубцов // Источниковедение истории советского общества. – М., 1968. – Вып. 2. – С. 366–388.
4. *Левицкий, Л.* Где же предел субъективности? / Л. Левицкий // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 101–115.
5. *Минц, С. С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) / С. С. Минц // История СССР. – 1979. – № 6. – С. 55–70.
6. *Блок, М.* Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М. : Наука, 1973. – 230 с.
7. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 297–325.
8. *Миних, Б. Х.* Очерк управления Российской Империи / Б. Х. Миних // Перевороты и войны. – М., 1997. – С. 273–318.